

Ярослав Таран

СЛУЧАЙНАЯ ПРОЗА

1988 - 1991

КОТЁНОК

монолог подростка

Котёнок умирал на даче. Засыпáл под завывание ветра комочек, облезлый, доверчивый, бледный. В голоде околелом его засыпáло снегом. И видел он сон последний: летний, со смехом и человеком.

О лето! единственное, тёплое, сытое, озорное! Как много света! как хорошо было летом! Бегали дети, смеялась трава, небо мягкое пахло солнцем. От счастья кружилась во сне голова кошачья...

“Смотрите: что за линии, что за движения! Маленькие животные такие забавные – чистые эстетические наслаждения! И польза есть: помогают детей приличному воспитанию и отличному, хи-хи, млекопитанию. А дети у нас до чего же славные! Семья – это главное”.

Чёрная туча. Дождь настал. Завтра осень. Пора. До свидания, навозная куча!

“На следующий год приобретём щенка. Дети, покормите кота пока – и в дорогу. Нет-нет, нельзя его в город брать. Как жалко, такие короткие у нас отпуска!”

Спи. Спи...

Весна. На птичьем базаре – шум: “Собачку или кота?” – Меня! – “А что, этот тоже приятенький. Ишь ты, дитя! Ах, полосатенький... А не дорого? Сладенький... пальчики оближешь?.. Идёт. Берём.”

Теперь вы узнаете, с каким связались котом! Вы просчитались! продешевились: вместо котёнка купили тигра. С каким удовольствием свои клыки я углублю в месиво вашего жира! Берегись, “мёрзлось”: я стал зверем...

Слышишь? Слышишь меня, мёртвый котёнок?.. Давай дружить с тобой?.. Плевать на холод, на то, что ты сдох! Решили, мы отныне навеки друзья?..

А дачку я всё же спалю.

СТОЯНКА

Очередь на стоянке такси. Весна. Дождь моросит. Телефонная будка без стёкол. Платный туалет. И пьяный тип, которому плохо. Стоит, автомат-телефон плечом зацепив. Охает мокрый.

“Надо меньше дозу брать. Вот до чего низводит водка, – бровью качнув, возмутился в очереди кто-то: – Не сдохнет”.

Замкнул круг – и снова затих-мычит возле будки. Но распахнулось на грязном ублюдке пальто – а на мятой груди висят орденские колодки...

ЭПИЗОД

Я сегодня осёкся на полуслове. Остановился, закурил в коридоре...

Помнишь?.. Утро, слеза на иконе. Одинокая лошадь в попоне твоя... Это друга хоронят, убитого друга хоронят... Ты мне руку тогда положил на плечо, ты сказал мне тогда перед боем: “Живы будем – доспорим”. Улыбнулся и нежно мечом ты с травы уронил росу...

“Ну, ты чё? Иди, покупай колбасу!.. Обижаться не сто́ит... Шучу.”

Только вспомнил я утро, слезу на иконе! И убитого друга хоронят... Я сегодня ушёл не доспорив. Я сегодня весь вечер молчу... Но обижаться, и правда, не сто́ит.

В ЛОДКЕ

Смотри, какое молоко!..

Ты говорила что-то про войну... Но Кто придумал эту тишину? и шелест лодки, и сердечную струну?..

Закрыв глаза. На миг – темно... пока весло прошло над умною водой... пока тянулась вечность... Кто я такой? живу я где? когда?

Я помню точно этот вечер... два весла, туман... Хоть не было со мной такого никогда.

УТРО МУЗЫКАНТА

Перекрестись, если это опять показалось.

Башилачёв

(Холодно. Шаги по мокрому асфальту. Начало утра. Пыльное окно.)

Ещё одно ночное сальто!.. Мои ль шаги?.. Как будто... Молчат дороги и трамваи: не проснулся город.

Последний двор перед моим. Последний час перед рассветом... Я знаю, помню: где-то – горизонт согнулся стебельком навстречу солнцу восходящему, и замер, и тихо молится пред ним. Не дышит, розовея, небо, огненного ожидая жениха. Ликуют травы, реки, звери. Искрится и звенит, прозрачен, воздух осени моей!

А этот хор идей: “На чём стоим...” – так надоел. Проклятый круг: концерт, цветы, чужая жизнь, чужая ночь, чужие руки, губы... и шепчут вкрадчиво: “Сбылись мечты твой”. Но знали б вы, как высоко мне до мечты...

А ну-ка, прочь, прочь, мысли и хандра! Ну перестань, сердечко, ахать. Перестань! Сядь, покури-ка. Вот скамейка... Нет, небо, я не изменил тебе: не изменился, нет!.. Моя ль рука это?.. Прости меня, прости меня... Но страшно одному... Наступит день, очередной: и тут – снова бабушки займут мою скамейку, где дремлет детская площадка... но без башки уже лошадка. Всё, спать пора! Домой пойду...

Не зная нрава музыки, с ней повенчался. И остался там, на перекрёстной сцене всех стихий, и заигрался навсегда. И злые, липкие, вертлявые, как змеи, языки слюнявили места в партере. Неужто правда: ты меня ревнуешь и не потерпишь посторонних глаз, убийца-музыка?.. Тоска, сосущая мечту о счастье и наполняющая сердце одиночеством и голос – светом звёзд, в безумии прозревших. Тоска и музыка, над бездной памяти летящая, ты грешница святая, жена моя и дочь... и тайна страшная твоя так больно снится мне. *(Щёлкает выстрел.)* Кто это! Почему в пальто?.. Стой...

(Голос убийцы, отступающий в тень.) –“Туда тебе и дорога! Тоже мне “ребёнок сущий”! Выскочка! Недотрога!”

Кто это?.. пятится, красный... Господи, музыка! Какая музыка!..

(Вопли проснувшихся соседей.) “Скорую! быстро!” “Не помочь!” “Прямо в сердце выстрелил!”

Оставьте, оставьте. Слушайте: как плачет над нами, как льётся память...

Незнакомый мальчик, умница! Играет, играет. Он слышит! мою последнюю, лучшую музыку!.. Двадцать лет торчу из постаментов, весь в цветах и голубях... Играй же, играй... Немного осталось, ещё чуть-чуть... И в путь! Снова в путь!

БУНТ

Я – пёс...

И только мозговая кость была уделом моих грёз. На ветхой родовой цепи я прочно рос. “Расти, расти”, – меня пинал, шутя, хозяин...

Я вырос наконец.

“Ну и стервец! Повадки и походка, и морда волка... Хорошей будешь ты собакой...”

И я лизал большие руки. А я не знал, что есть на свете воля, и не ведал скуки. Мой кругозор: забор-стена-сарай-забор. Я рад был мясу в супе и доброй толстозадой суке.

И я смотрел спокойно на луну. Но чаще спал, забившись в конуру. Пускал слюну: когда-нибудь умру... И думал, что сейчас – живу! А может, и не думал ни о чём: привык, не замечал я цепь свою. Не помню, сколько прособачил лет... Забыл.

Но в прошлом... В прошлом уж году! Ну да, конечно, в октябре! Глодая кость в уютной конуре, услышал я ужасный, дикий вой... Он был, он был! Он выл – как пел – в лесу... Он обморозил мне нутро, огнём прокрался по нутру! Он всё порвал в моём нутре...

И я заметил цепь свою – и я рванул! Я натянул её в струну – от глотки к тесной и притихшей пустоте...

Но ржавая меня держала цепь. И об неё сломал я клык и вмиг поник.

Но я впервые визг сменил на рык!.. Мне снится бой...

Хозяин мой передо мной развесил шкуры трёх волков. И я его убить почти готов. Он это понял вроде. Он меня пристрелит. Вот ходит, ходит, смотрит и медлит! И ворчит: “Ты бешеный...”

А над моею честью глумятся шавки здешние: “Эй, ты, пёс! Дурак – не волк!..” Зачем я с ними сокровенным поделился?! Хозяин мой щенком меня принёс. И я один лишь верю... Нет! точно знаю: родился – где! Я вспомнил стаю.

Но сладко шепчет мне сучка молодая:

–“Всё это чушь. В лесу – сплошная глушь, сплошная стужа и сплошные звери. Совсем не романтические, а жадные и хищные, жестокие и грубые они! Тебя не примут – ты собака. Ты им не нужен, маленький. Там боль и драка. Каждый – за себя. Они ещё съедят тебя, гляди! Их выдумал себе ты, несмышлёныш мой, любимый дурачок. Лишь бред и сны, высокие мечты... А жизнь-то где? От этого все беды! Я жить хочу, а не летать в мечтаньях. Пошли спать.”

– Не пачкай своей правдой идеал! Волк – это воля...

Теперь мне ночью не дают смотреть на небо. И плетью бьют как бешеную тварь. И цепь мою укоротили... А мне свободы больше жизни жаль!

Мне никогда не скажут: или-или. А скажут только: так-то. Волк на цепи почти собака.

А в мои сны стекалась кровь с довольных лиц моих хозяев, моих врагов, моих убийц... Я ненавидеть не хотел! Зачем на цепь вы посадили – волка?!

Но раз так... Ну что ж... к свободному прыжку готова моя глотка. Не дожидаясь будущего дня, сегодня ночью я убью собаку! которую слепили из меня.

Я – пёс. А цепь – петля.

СУБЪЕКТ

Почему же мне так не везёт?! Хотя пора бы привыкнуть... Как занял позицию взвод – я тут же отправлен в прикрытьё! А фриц – идиот? По болоту попрёт?... И летёха, конечно же, врёт! Просто мстит, паразит, мне за Валю. Меня и так уже все презирают: только бой или драка какая – он меня – за едой, за “посудой”... И я – то в тылу иудой, то с боку припёкой, то с краю ослом.

Но взводный нарвётся, паскуда! Настучу, настрочу-ка я “контрикам”: мол, летёха наш “то да сё”. Вот тогда поглядим: посмотрим, кто с Валеёй, а кто осёл! Вот тогда...

Господи! как это? как же?... Проклятьё!.. Там же наши... Ну как это – сзади?! Господи, травка, убереги!.. Да они далеко... И вот – залегли...

А я их не заметил. Я бы мог не заметить! Я – за лесом, я обернулся – случайно. Господи!.. Но я ж их видел. Не ви-де-л! Я к болоту приставлен! Конечно... И кончено! Имел полное право: мне задача – вперёд... Как легко... И всё тут! Обернулся случайно! Не смотрел назад!.. Да... их... и так уж не видно почти... Что, сволочи... сволочи!..

NB. Взвод услышал выстрелы – и не был расстрелян врасплох, дал бой – и многие остались живы. Мне присвоили “старшего лейтенанта”. Моего субъекта схоронили там же, у болота.

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

“...Ты прости меня, родная...” – лепетал я, улыбаясь... Только я опять играю!.. чью-то роль, а чью – не знаю... Стёр бы грим! Но, озираясь, только маски я меняю: то я в стаи собираюсь, то на члены распадаюсь; то я гений, то дурак; то красавец, то урод...

– Вся душа моя в занозах! Я устал от репетиций! Сколько можно?! Я слабею, расплываясь в эпизодах! Не театр, а кабак! – я орал на Сценариста. – Главную, хоть раз бы в век, предложил мне, что ли, роль – где б я стал самим собой!..

Сценарист ответил мне: “Изволь!.. – и достав громаду карт, прогремел: Играй. Ва-банк”.

СКАЗКА ПРО КАНАТ

Проскучали его мы, в ладоши прохлопали: “Ну как это? как это? как это...” После – кричали да охали: “По канату он шёл! Ох, по канату...”

“Остановись! остановись!.. – родные боялись и плакали: Рухнешь вниз! рухнешь вниз...” И накаркали ведь! Накаркали...

Оглянулся он, остановился и... руками взмахнул, неприлично ругнулся, упал и разбился. Тут послышалось грузное пение: “И это в его-то годы...”

А вот моё личное мнение (значит – закон природы):

Если ты влез вдруг на ёлку (ну, если хотел пошутить), натянул бельевую верёвку, начал по ней ходить, – то шути, то валяй дурака до конца! (Пусть тебе станет не весело...)

На верёвках нельзя останавливаться – не потеряв равновесия.

СКАЗКА ПРО “РАЗ-ДВА-ТРИ-ЧЕТЫРЕ-ПЯТЬ”

Он стоял у обрыва, и руки на спине тугим ремнём стянул. Условие врагов такое было: чтоб в пропасть САМ шагнул, тогда они не тронут друга. Считают только – так мало! – до пяти.

На счёте “раз” – закрыл глаза. На “два” – он воздуху набрал. На “три” – он застонал... “Четыре”... “Пять!” И – друга крик его пронзил, его толкнул. И он... и он шагнул. Но друг уже погиб.

СКАЗКА ПРО КРИК

Он плоть и кровь, дурная кровь моя...

Высоцкий

Застыл стыд: душа спит...

Я шепнул ему в ухо семь заветных слов... Но он не расслышал. Я сказал тогда громко, помогая звуку жестами рук и мимикой лица. “Глух я”, – ответил он сухо, дверью свистнул и вышел... Я – за ним, я – догнал! Я – по насту босой, застал, замотал головой над собой и так в него крикнул... что треснули стёкла на всех этажах... Он же плюнул сердито и сгинул. И звон в ушах у меня с тех пор.

Вот и кончился наш неначавшийся спор. Я вернулся домой. Я глухой...

ЗАРНИЦА

Как часто эту жизнь сравнивают с дорогой! С неизвестной тебе дорогой, по которой идёшь ночью.

Ночь не слишком темна – и ты видишь многое из того, что рядом с тобой. Вот, говорят, настоящее. Но далее двух-трёх шагов видно уже хуже; и чем дальше, тем неопределённое. Там, говорят, будущее. А слабые контуры, которые ты пытаешься различить вдали, называют мечтами, фантазией или снами. Обернёшься: темно, но знакомо – и кажется, что видно лучше, чем впереди. Это, говорят, твоё прошлое, твоя память.

И стоять на дороге нельзя: страшно. Надо идти. Или бежать. Или ползти. (На твоё усмотрение.) В конце пути, говорят, есть дом, или дворец, или ночлежка, – где ты отдохнёшь и даже получишь награду... или – наоборот: у входа стоит вахтёр... И что бы ты ни делал, всё равно должен пройти своё.

Твоя дорога может пересекаться, сходиться и расходиться с другими, но ты идёшь только по одной. Такова игра.

На обочине встречаются бунтари. Бунтари кричат: “Не одна! Две, три, много дорог! И ты свободен выбирать! И не нужно пророчить – иначе застолбишь единственную тропу!..” Бунтари спорят и бредут вдоль дороги, не нарушая правил игры. И, наверное, не надо решать: кто прав – кто нет.

Но если на секунду – зарница... вокруг всё осветит...

Куда ж нам плыть?

ПЛАНКА

Не Бог, но кто-то злой над нами планку ставит и аккуратно за временем следит. Влюблённые минут не берегут, врагов не наблюдают. Летит безумная мечта – и планку на лету сбивает!..

В часах просыпался песок – и исчерпал лимит.

“Нельзя сегодня выше! Курить запрещено! Летать как можно тише! Потом другой споёт, долюбит и допишет...” – Такое чёрно-белое, типичное кино: сидит Педант Унылый, людские головы считает, ведёт усталости черту над нашими сердцами... Какую высоту сегодня можно спеть?!

Я жизни клячу тороплю: охота посмотреть.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС

Мораль читают детям, читали мне... “Вот, дети, добродетель: охотник режет волка, – то наказание, дети...”

Я тряпкой протираю полку, стирая пыль столетий. Растут простые книги, в их жилах огненной змеёю извивается История Пути:

рабы, дворцы, шуты, интриги, измены, подвиги и боги... – пересекаются, сливаются, расходятся дороги...

Вопрос – как цель – один: зачем живу... Ответам нет конца! И в этом мы соавторы Творца.

Как есть у каждого лица и общие, и лишь ему присущие черты, так жизнь и смерть – две стороны одной любви: моменты “выбора пути”...

ГЕРОЙ

Провисла нить времён...

Под звёздным куполом на ней я исполнял весёлый трюк!

Пока уверен в себе шест в руках канатоходца, не сомкнётся над тобой арены круг. Такой единственной поддержкой была мне точная строка. Слова подсказывали сердцу ритм его дыханья – моего движенья: тот вольный ритм, с которого собьёшься – и для арены (блюдца под тобой!) наступит звёздный час: миг твоего паденья придаст ей сил, чтоб чёрной стать дырой, великим, ненасытным пожирателем небесных тел, тёмной тайной космоса...

Не с притяжением земли поспорить шут хотел – и смерть не торопил! Он защищал свою любовь от страхов подлого раба, который в нём сидел на дне, рычал и ненавидел... Так думал я, вступая на канат.

По капле исчезал уродец-страх из крови, разгорячённой близким храпом вороних коней воровки бледной...

Провисла нить – я плачу на опилках.

Дополнение

ТА ЖЕ МУЗЫКА

Весь день вчерашний я ленился, ни о чём не думал... Счастливый день! хоть я не верю счастью... Но нежностью был полон дом наш, и душа прозрачная чиста; и сердце моё плещется в тебе, любимая; и в глазах твоих – лесные озёра, первый снег и первая весна...

Но почему же – именно теперь – проходит за окном, какою-то размытой акварелью, незваная мечта о смерти, о разлуке, о терпеливых днях и о ночах бессонных?.. Живою верой и благодарностью исполнена душа, и в тишине её мерцает стройная и ясная мелодия... Но как будто скрыта там, за звуками, безмолвная тоска, неразрешимое молчание...

Музыка сегодняшнего дня, тебя я вспомнил: ты – та же, что слышалась мне как-то в прощальном вздохе осени на медленных дорожках Смоленского кладбища. (Я часто там бродил тогда с коляской детской: и рядом с домом, и воздух вроде бы свежей, и дочка спит спокойней.) Да, это то же небо: та же синева, наполненная облаками. Только, может быть, чуть меньше в ней органа, больше скрипки; меньше золота и больше первых листьев, – но это та же музыка. Та же радуга в душе, та же улыбка. Та же надежда и готовность.

апр.1998

БЕЗ ИМЕНИ

И нет во мне уже бессильной злобы: с каким-то равнодушием смотрю на этого несчастного, который с кривой усмешкой на моём лице блудливой скуке вяло отдаётся.

Читаю по привычке – вижу, как волны образов на белый, знакомый с детства берег набегают, и слышу властный шёпот их, любимый, близкий... но почему?.. и было ли?.. забыл.

А этот, что ему? пусть тешится... Но вдруг – иль сон какой, дождинка за стеклом, иль тень мелькнёт – я вспоминаю всё! И плачется мне... Боже! И это вновь закончится?

дек.2000